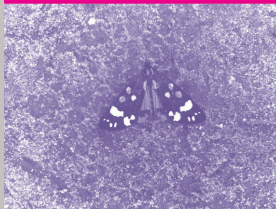

Михаил
Дынкин

ТРИАДЫ

Михаил Дынкин

Триады

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60232746

М. Дынкин. Триады: Издательство «Водолей»; Москва; 2019

ISBN 978-5-91763-472-2

Аннотация

Михаил Дынкин родился в 1966 году в Ленинграде. Ныне живёт в городе Ашдод (Израиль); работает картографом. Публиковался в «Знамени», «Зарубежных записках», «Волге» и других журналах. «Триады» – пятая книга поэта.

Содержание

Вместо предисловия	5
Триады	7
Изумрудный город	8
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Дынкин

Триады

© М. Дынкин, 2019

© А. Куманин, иллюстрации, 2019

© О. Сетринд, обложка, 2019

© Издательство «Водолей», оформление, 2019

* * *

Вместо предисловия

Ты поставь мне на вид законный
двухэтажное здание школы,
старика с головой каракала
исполинской осины в сени;
облака, распутившие перья,
а под ними танцующих пери,
куб кофейни, узорные кровли
в голосящих гирляндах синиц.

Ты поставь мне на вид для контраста
вертухаев, от холода красных,
храбрецов, в ожиданье ареста
забывающих о кураже;
человека с овчаркой и чело-
века с дыркой в затылке. Зачем он
нарушал предписания квеста,
человек не ответит уже.

Ты поставь его на ноги что ли
и оставь на углу возле школы,
где норд-вестом как раз расшатало
жёлтый зуб неизменной ольхи.
Пусть кружит он по тёмным аллеям

бледным светом миров параллельных,
невесомой фигуркой Шагала,
птичьим вздором, звездой чепухи.

Триады

*Птицы на заре перекликаются,
к Богу обращаются на ты.
Дерево, забыл как называется,
раскрывает красные цветы.
На балконах сонные курильщики
дым глотают, тупо смотрят вниз.
Школьницы замазывают прыщики -
близнецы подмигивают из
Зазеркалья.
Огненное лезвие
в облачный завёрнуто рукав...*

*Никакая это не поэзия,
говорит стоящий в облаках.
Головой покачивает, щерится;
под ногами вертится Земля...*

*Мне в него с рождения не верится,
как ему не верится в меня.*

Изумрудный город

Всё прочее – литература

Литпроцесс

Торжественный запуск литпроцесса состоялся в тихом Изящногорске в десять утра по местному времени.

(Говорят, церемонию открытия посетил сам Президент, загримированный на всякий случай под поэта-деревенщика.)

Раскрасневшийся мэр перерезал ленточку и процесс пошёл:

зажужжали генераторы текстов, начались фестивали и презентации, возникли и сплотились вокруг кураторов референтные группы.

С каждым днём таких групп становилось всё больше, что неизбежно приводило к открытой конфронтации, заключению стратегических союзов, дезертирству и мародёрству.

Беспорядочные половые связи внутри групп вызвали, в свою очередь, невероятное количество текстов-мутантов,

похожих не только на мать с отцом,
но и на всех их единомышленников, включая кураторов.
Неразбериха сменилась смутой,
но на армию критиков полагаться не приходилось,
вояки только подливали масла в огонь.
Потом боевики из «Литературного джихада»
взорвали общежитие контролёров качества,
и страна забалансировала на грани гражданской войны.
Переодевшись верлибристом-западником,
Президент бежал за границу,
а в главные города страны вошли японские танка.
Начинался новый (экзотический) виток литпроцесса.

Модернисты

«Как хороши, как розовы мы были!» –
выстукивает некто Игорь Эс;
шлёт розы Евтерпе на мобильный –
поэт в России умер, но не весь.

Вот прихватив аллюзии, коллажи
и прочий стихотворный инструмент,
Владимир Эм (как прежде эпатажен)
в горчичной кофте в свет выходит. Свет

садится на расшатанные стулья.
Мы видим в зале Николая Гэ,

пензионерку с головой горгульи
и юношу в непарном сапоге.

Сначала читка, а потом фуршет, но
не хочется толкаться дотемна,
изображая Бога или жертву...
Багровый клён припал к окошку, а

по крыше шпарит оголтелый ливень.
Кто выступит с ноктюрном на трубе?
Иосиф Эм сбегает с чьей-то Лилей –
я полагаю, это Лиля Бэ.

Альбатрос

Эн живёт как придётся. Приходится туго вообще-то.
А душа того Эна как будто висит на прищепках
меж землёю и небом, которые сильно устали
и, возможно, со скуки готовы меняться местами,
что и делают, кстати, хотя без большого успеха.
Эн живёт, точно держит за хвост бесконечное эхо.
Переводит его на язык листопада и ветра.
Переходит в метро с облетающей ветки на ветку
облетевшую. Что ж... Не помочь ему, видно, и ладно.
Сочиняет стихи, иногда получается складно.
Сочиняет стихи, ничего не умеет помимо,
и печатает их на страницах «Херового мира».

Ибо Эн есть реликт и не может похвастать харизмой.
Месяцами небрит, состоит из одних атавизмов...
«Ну чего ты, чего?» – скажет Эну жена его Лена.
Пожалеет его. Ты бы лучше себя пожалела.

Джим

Сатори

Джим танцевал фанданго или сальсу
в техасском клубе «Сумрачный ковбой»;
в любовный треугольник не вписался,
ударился о стенку головой.
Его ногами били в коридоре
и на парковку вышвырнули, где
Джим пережил мгновение сатори
и так духовно вырос, что задел
макушкой туманность Андромеды
и в космосе открытом покружил...

Аптека. Ночь со вторника на среду.

Джим входит в дом.

Жена бранится: «Джим,
какого чёрта? Где тебя носило?»

Джим свирепеет, обувь сняв едва;
выталкивает в воздух слово Силы,
потом другие крепкие слова.

Машина времени

Джим времени машину изобрёл,
влетел в чужое прошлое, орёл.
А там жена, но только молодая
то принимает Джима за джедая,
то путает с мифическим царём.
Джим кипятится: «Что за детский сад!» –
подумав, возвращается назад,
выходит в изменённом настоящем.
Из зеркала на Джима смотрит ящер.
Джим холодеет и отводит взгляд.

Бросается к машине временной,
летит в родное будущее – ой,
кошмарный киборг по квартире кружит,
хохочет, называет Джима мужем,
кричит: «Добро пожаловать домой!»

Перевоплощение

Джим не желал перерождаться
но Джим в системе засветился.
Плывёт теперь к жене гражданской,
которой боссом приходился,
по морю перевоплощений...
И вот коричневым жучищем

в полу нащупывает щель он
и в поисках духовной пищи
летит на кухню из галута,
где целый вечер прохлаждался,
оказываясь почему-то
на той единственной гражданской.

Гадание

Маг

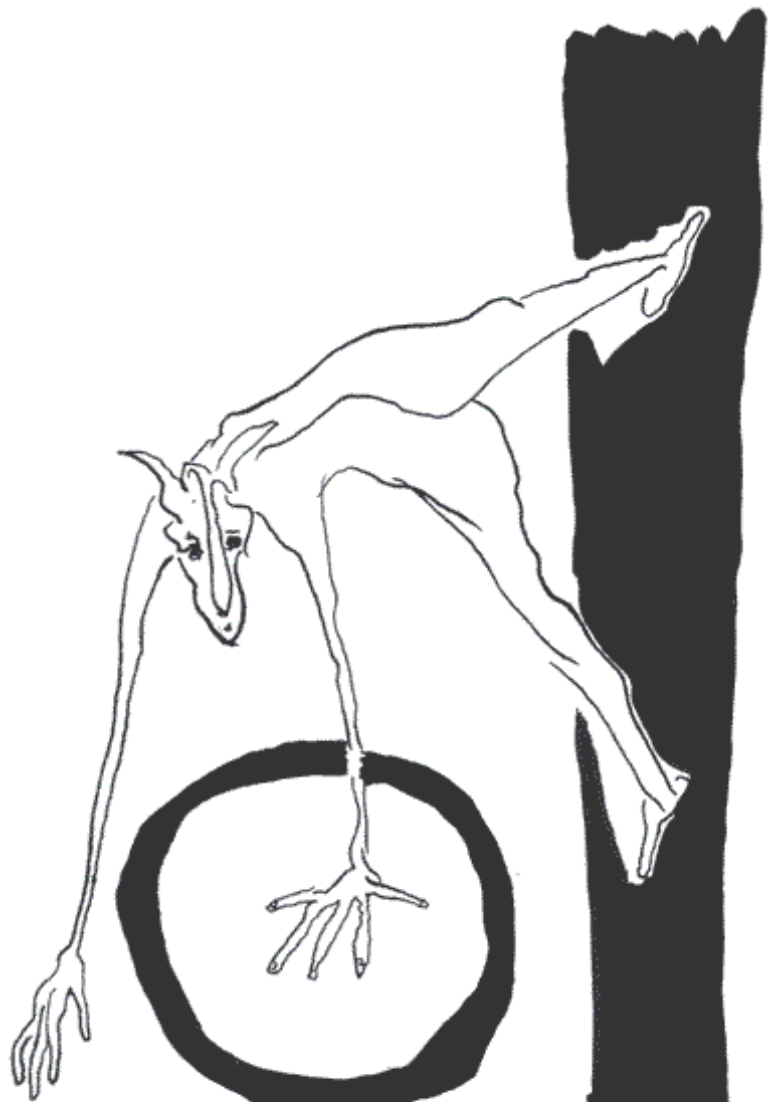
У мага восьмёркою шляпа,
масонский значок на груди;
скелет вылезает из шкафа,
пока он в асане сидит,
сиянием солнечным чакры
полощет который нисан,
и два его сердца от счастья
поют и стучат в унисон.
Скелет проползает на брюхе,
приветливо машет рукой.
Летают поддатые духи,
и демон какой-никакой,
а палец ему не клади в рот,
часами лежит на софе.
Кудесник зовёт его «Ирод»,
но это когда подшофе.

У демона сложное имя,
зато он в общении прост.

У демона когти что кии
и с рыжею кисточкой хвост.

Проснётся и думает: «Где я?» –
поэтому вовсе не спит.

Приходит жена чародея,
приносит технический спирт;
глотает, не морщась, красава,
на закуску берёт чернослив
и тоже садится в асану,
кокетливо чакры прикрыв.

Колесо Фортуны

Мы глотали колёса Фортуны
(две таблетки – и счастлив мгновенно);
задевали какие-то струны
в неподатливом сердце Вселенной.

И она становилась моложе,
прямо вот на глазах хорошела,
чудо-женщиной с матовой кожей
выгибала змеиную шею.

Говорила «спасибо, спасибо»,
изнутри озарялась, звенела...
Мы сидели, чисты и красивы,
на большом колесе обзренья.

Пролетали железные осы.
Города превращались в руины.
И неслись огневые колёса
по окутанной дымом равнине.

Дьявол

Дьявол приходит в гости в рабочий полдень:
шляпа восьмёркой, смокинг, резная трость.
А на челе его огненный знак Господень,

что не мешает видеть тебя насквозь.
Вежливый господин, утонченный даже,
лучшего собеседника – поискать...
Перстни на длинных пальцах, высок, вальяжен
и седина красивая на висках.
Ты же зарос щетиной, два дня не мылся,
на голове, наставленные женой,
выются рога и не имеет смысла
смерть твоя, ты и без смерти-то неживой.
Ну ничего, вот придёт с портвешком подельник,
вспыхнет в крови животворящий крест...

Дьявол сидит и смотрит тебя, что телик.
Как ему только это не надоест?

Не верь

С Богом

«Не верь, – сказали бесы, – не проси».
И на крыльцо расшатанное вышли.
Закуривая, сел в упадке сил
в качалку кресла. Надо мной по крыше
грибным дождём прогуливался Бог,
в руках – букет из дивных мухоморов:
«Добавил и «не бойся» бы, но ОК,
и так всё ясно, хватит разговоров.

Эй, выше нос, заканчивай смолить,
открой окно и комнату проветри.
Опохмелись, а после помолись
и чокнись с Богом чашками Ай-Петри;
на каждой восхитительный пейзаж –
сирень небес над каменным болваном.
А статус Крыма – ваш или не ваш –
бессмертному, прости, по барабану».

Мы выпили, решили закусить.
Забомжевав, скитались по России.
В иные дни случалось и просить,
но воровали чаще, чем просили.

* * *

Выпил парень, поехал в Иваново
да влюбился там в деву-лису.
Завлекла к себе в спальню она его,
расплела накладную косу;

рыжеватую шерстью покрылась вся,
зубы щёлкают, морда остра.
Взвыл любовничек, к выходу кинулся,
рухнул на пол, дышать перестал.

Вот очнулся в лесу заболоченном:
где бумажник? Бумажник тю-тю.
В череп будто бы гвозди вколочены,
а рука превратилась в культю

левая, а дрожащею правою
чертит парень невидимый крест.
В океане забвения плавая,
надвигается город невест -

крыши красной посыпаны паприкой,
в подворотнях пульсирует снег,
и плетутся на ткацкую фабрику
безутешные толпы калек.

На дне

Дерево стало рыбой, а дождь кустом.
Дьявол пришёл и осенил крестом
спящего андрогина с лицом дракона.
Вывел старик на улицу паука.
На пауке – ошейник, а старика
кличет Фаддей Евграфович Никаноров.

Вот он идёт быстро ли, медленно
вниз головой на городское дно,
видит бомжей, демонов, проституток;

в правой руке топорщится мокрый куст,
в левой – в смоле и листьях, горька на вкус,
пляшет ставрида-рыба на ножках гнутых.

В чёрные дыры затянутые дворы,
радуются пришельцу. И комары
пьют его кровь, превратившись в продажных женщин.
Лаает паук на кошек и крыс.
И андрогин кричит старику: «Проснись!» –
даром что сам сновиден он и нездешен.

По мотивам

Плохая карма

Плохую карму выдали Ивану.
– Хорошие разобраны давно, –
сказали, покачали головами...
Сидят и наслаждаются кино.
Там пьяный батя мается в передней.
В светёлке акушерка мельтешит...
Родился Ваня дураком последним,
читает Ваня книгу Берешит;
хохочет, ничего не понимает,
болтается у чёрта на рогах,
коту сапог кирзовый предлагает,
хотя коты не ходят в сапогах.

А где-нибудь в Италии далёкой
грустит старик, похожий на бревно;
папаша Карло, карлик одинокий –
плохая карма, сразу видно, но
есть у Карлито странная картина,
на ней в очаг пихает колесо
кубический гомункул Буратино,
а в правом нижнем – подпись: «Пикассо».
– Продай, отец, – откроешь галерею!
Тебя бы, старый, Феликсом назвать!
– Тьфу, – отвечает, – уходи, еврей, а
тот натюрморт бесплатно можешь взять.

* * *

Мы искали, где собака зарыта;
землю мёрзлую рыхлили, копали.
Обнаружили пустое корыто,
рыбий остов и скелет аксакала.

Голем Павлович сказал: «Это Пушкин.
Ну, не собственной персоною то есть.
Но куда запропастилась старушка,
что пилила аксакала всю повесть?»

Мы продолжили копать за собаку,
долго, коротко ли – без передышки.
Извлекли на свет гомункула в банке
и раввина в пожелтевшей манишке.

Голем Павлович сказал: «Это брат мой,
не раввин, а тот, который гомункул».
Мы решили возвращаться обратно,
совершили небольшую прогулку;

в повторяющихся снах заблудились,
покатались на змее Зодиака,
но не вызнал до сих пор ни один из,
где зарыта эта ваша собака.

* * *

Сунь Укун говорит обезьянам: «Прощайте!» -
машет лапой косматой руки.

Эмигрирует в Штаты ли в поисках счастья
или едет в республику ШКИД;
или, может, чудовище злобное вертит
на трёх буквах, последняя – «ю».

«Подари мне, любимая, персик бессмертья, -
обезьяне своей говорю. -

Я хотел бы вонзить в золотистую мякоть

сладко ноющие резцы,
и, упав на траву, хохотать или плакать,
наполняясь энергией ци.
Сунь Укун испарился, а мы – ну ещё бы! -
остаёмся на птичьих правах
в этих вечнозелёных прекрасных трущобах
без царя в золотых головах».

Аргумент

Было душно. Пел пернатый кантор
всей своею маленькой душой.
День перевалил через экватор
и на понижение пошёл.
Воздух плотной плёнкою казался.
Над асфальтом поднимался пар.
Гладил мальчик солнечного зайца
на веранде. Рядом мирно спал
молодой ретривер золотистый
и во сне рассматривал кота.
Кот же на рыбалку шёл, светился,
выпускал колечки изо рта.
В лапах – трубка, удочка, ведёрко...
И уже как будто не во сне
тёрли духи облако на тёрке,
чтоб летел на землю мокрый снег.

Замолкала птица, без оглядки
проносилась сквозь холодный свет.
Выпущен мальчишкой из рогатки,
мчался камень дезертирке вслед.
Разгонялся до потери пульса -
от натуги даже покраснел;
поравнялся с птицей, промахнулся
и исчез из виду вместе с ней.

* * *

Лёг в кровать, задумался, задел
локтем задремавшую супругу;
повернулся на бок, а затем
на спину... И вот идёт по лугу,
наступает прямо на цветы
жёлтые, багровые, любые:
вран-да-майна, мачеха-и-ты,
даже о ромашках не забыли.
Пьяный ангел валится в траву,
по земле катается, хохочет.
Бабочки по воздуху плывут,
закатив фасеточные очи.
Обернёшься – и черным-бела
роща расступается зловеще.
– Не смотри туда, сомнамбула, -

говорит сновидцу волнорезчик,
вырезая дивную волну,
на воду красавицу бросая.
Едет новобранец на войну,
руку под подушку запуская...

Он проснётся через полчаса,
весь в земле, укушенный женою;
распахнёт потухшие глаза
и заденет даму за живое.

Аргумент

«Не грусти, – говорил мне молчальник –
без озвучки, но я понимал, –
всё потеряно, друг, изначально;
обезьяна ты или кайман,
альбатрос или чёрная мамба,
наступает такая пора –
не спасут ни хорей, ни ямбы,
ни везение, ни доктора.
Эту фундаментальную тему
разрешают посредством ножа,
но куда бы душа ни взлетела,
существует ли, парень, душа?»

В отдаленье корова мычала,

дым курился над древней избой.
Скалил жёлтые зубы молчальник,
а точнее, остатки зубов.
Я на камень замшелый уселся
(правда в том, что в ногах правды нет).
И вонзилось мне лезвие в сердце,
как последний его аргумент.

Веселящий газ

Ленинград

Человек начинается с левой ноги –
вот проснулся и с левой встаёт.
Под крылом не зелёное море тайги,
а тускнеющий мартовский лёд;
грязноватого снега развалины на
тротуарах, пивная, продмаг...
Человек упирается в стену, стена
упирается в длинный овраг.
Там тамбовские волки играют в снежки;
наигравшись, спешат на парад.
В серых лапах пунцовые держат флажки.
Из Тамбова идут в Ленинград.
Человек улыбается, машет волкам.
«Наконец-то! – кричит. – Молодцом!»
Удаляется в ванну, по жёлтым клыкам

водит щёткою, бреет лицо;
корчит зеркалу рожи (не может без рож),
а из зеркала смотрят враги.
Между тем просыпается город и тож
поднимается с левой ноги.
Гумилёвский трамвай по Приморской бежит,
в отсыревшие боты обут.
Улюлюкают дамам на Стачек бомжи.
А по Невскому волки идут.

Следствие

Детектив изучает улики:
пол-литровую банку черники,
перья чаек, какие-то злаки,
норку мыши, лукошко опят.
Нарезает круги, размышляя;
запирается, чтоб не мешали
в кабинете. Зелёной клешнёю
потирает опять и опять

подбородок массивный багровый.
Вспоминает родные дубравы
на планете Аркадия Нова,
в олимпийские кольца свернув
впечатляющий хвост. А в подвале
душегуб созерцает ладони,

на которых сверкают медали,
из которых одна за войну,

а вторая за что-то такое –
в двух словах не опишешь. Толкая
вагонетку с бобами какао,
запыхавшийся судмедэксперт
говорит в диктофон: «Вероятно,
мышь убита тупым долгопятом».
Долгопят поправляет: «Предметом».
«Не тупым», – возражает предмет.

* * *

Она стоит под деревом нагая.
На голове два синих попугая;
один продолговатый изумрудный,
другой же вообще не попугай.
А дерево то яблоня, то вишня -
само не понимает, как так вышло,
но ты его за это не ругай.
Тут есть, конечно, пара неувязок.
Она стоит одетая под вязом,
на ней крутые валенки и стразы,
а больше ничего. Ну а чего
ты ожидал, читатель или зритель?

Вы с ней сто лет под ивою стоите;
вам машет солнце костью лучевой,
поёт зюйд-вест, селена глазки строит,
тьнь ворона выклёвывает глаз.

Стекает с веток красный дождь листовок...
Она считает, что грустить не стоит.
Её дыханье – веселящий газ.

Рагнарёк

Тяни-Толкай

Бранился извозчик и Тяни-Толкая хлестал,
когда из лечебницы вывели бледного Ницше.
Лёг на спину дождик, почувствовав вдруг, что устал.
Шли спать проститутки. Торги начинались на бирже.

Карета промчалась, забрызгав философу плащ.
И солнце туман распоролo лучами косыми.
Голодные духи пускались над бойнями в пляс.
А Тяни-Толкай всё к земле прижимался, не в силах
понять, что случилось; зачем его, бедного, так –
тяжёлою плетью, с садистской оттяжкой, до крови?
И головы зверя мотались и никли не в такт.
Ах, если бы только он мог, как нормальные кони,

читать мостовую уверенным цоком копыт...
Тут бледный философ ударил злодея: «Не надо!»
Свернулось пространство в какой-то сплошной неевклид,
и в нём заметались зелёные ангелы ада.

И вот санитары берут Заратуштру в кольцо,
толкают и тянут, и это щекотно немного.
И всё заслоняет залитое светом лицо,
похожее на исполинский подсолнух Ван Гога.

Шалтай-Болтай

Что ни утро, дивился – живой,
явь за хвост разноцветный хватая;
под холодной водой в душевой
напевая «Шалтая-Болтая».

«Я сидел на китайской стене,
том Конфуция в лапах передних.
Было страшно и весело мне
оставаться одним из последних.
Было страшно. Багряной иглой
исцарапало душу светило.
Столько в землю шалтаев легло,
что болтаям земли не хватило.
Было весело. Дождь или снег –

я кричал: мы ещё повоюем!
Жил на свете один человек,
сам не знаю – во сне, наяву ли;
человечек смешной дрожжевой,
в смысле, рос не по дням – по часам он.
Что ни утро, стоял в душевой,
и вода накрывала, как саван,
человечка того – чудака,
распустившего мыльные перья...
Всё текла, говорю, и текла,
доходила до точки кипенья».

Рагнарёк

Был у Вани волшебный зверёк;
по-научному звать – «рагнарёк»,
хвост пушистый, глаза что рубины.
Рагнарёки, они вроде хорьков:
благородная синяя кровь,
сами белые наполовину.

А второй половины зверька
ни один из живущих пока
не видал – чудеса да и только!
В общем, странный зверёк рагнарёк.
Холил Ваня питомца, берёт
всё равно что родного ребёнка;

то расчешет, то кормит с руки.
А как умер, пришли мужики,
под ракитою Ваню зарыли.
Спи, Ванюша, вот Бог, вот порог,
а меж ними, что бурный поток,
рагнарьков половины вторые.

Тёмное место

Так долго Апостол ходил по воде,
что вышел на берег больным.
Гадал Пироман по вечерней звезде,
по рёбрам её огневым.
В таверне Сновидец сидел, выпивал
на пару с Паяцем Таро.
Вытягивал лапы роскошный сервал
под залитым пивом столом;
он экскурсоводом в Аиде служил,
в Морфеево царство сбежал,
и вот, перейдя на постельный режим,
лоснится что твой баклажан.

...Бомжи возле пирса костёр разожгли,
прочли мою жизнь, как роман.
Апостол сказал: «Не хватает души».

«Огня», – возразил Пироман.

Майя

1

Был День всех святых. Мертвецы воскресали.

Кошмарный оркестр громыхал Берлиоза.

Повстанцы сжигали колёса сансары,
боролись с припадками метемпсихоза.

Потом они смяли кордон полицейский
и, возликовав, развернули штандарты.

А в царском дворце предавались инцесту
придворные дамы и пьяные барды.

Тиран не тиран, но чертами похожий
на Гая Калигулу, сидя на троне,

кивал головою и хлопал в ладоши,
покрытые пятнами высохшей крови.

Он знал, что не будет и не было Рима,
что все эти люди, включая повстанцев,

суть майя, как мама ему говорила,
когда уставала от казней и танцев.

2

Человек человеку не то чтобы волк,

человек человеку – печаль,

объяснял неофиту старик Сведенборг,
головою кудлатой качал.

Не пристало мне смертному смертных чернить,
но и друг человеку – чужак.

Это тёмное место, прости, ученик:
на поверхности тени лежат,
а внутри пустота, говорил Сведенборг,
невозможно задать алгоритм.

В пустоте и творит нас невидимый Бог,
не вникающий в то, что творит.

Он идёт по карнизу, и сам Он – карниз,
где твои балансируют дни.

Голубятню откроет, и ангелы из
вылетают, как будто они
суть реальное что-то.

Краснеет флажок.

И бессилён помочь третий глаз,
потому что трубит за спиною рожок,
и охота уже началась.

* * *

На холме, под узорною башней
дует фавн в тростниковую дудку.
Из материи тёмной и страшной
вылетают голодные духи;
над картофельным носятся полем,
издают леденящие пiski...

Падший ангел с лицом Аль Капоне
с парходика сходит на пристань;
обнимает за плечи красотку,
говорит, что соскучился сильно,
что купил ей браслет и кроссовки,
как она в феврале и просила.
Солнце майское выше и выше.
На бульварах играют оркестры.
Духи или летучие мыши...
(Здесь у автора тёмное место.)

Я прикрою окно, но не плотно.
И забьёт тополиная вьюга
небеса над заброшенным портом,
где миры проникают друг в друга.

Полтергейст

На заброшенной даче живут полтергейст и собака,
навещают соседей (заплаканный призрак и кот).
По ночам небосвод опоясан змеёй Зодиака,
а утрами в нём будто гигантская слива цветёт.

А у призрака в городе – старая дева-невеста.
Обручиться успели, потом он уехал на фронт,
подорвался на мине, согласно условиям квеста;

подружился с котом и вздыхает который не год

по убитой любви. Полтергейст говорит: «Время лечит». Только времени нет, даже если барахтаться в нём... Роем землю собака, спускается новый не вечер, кот шипит и плюётся густым вертикальным огнём.

* * *

Жмурит утро раннее красный глаз свой.
Дерево осыпалось пеплом сизым.
Мёртвый Бог отступнику шепчет «здравствуй».
Луч скользит лунатиком по карнизу.
Мёртвый Бог выходит, живым сказавшись,
из глубокой комнаты в небо прямо.
Мимо скачет облако резвым зайцем,
исчезает в глотке воздушной ямы.
«Был один философ, писал – Ты умер», -
говорю (пусть думает, дело в Ницше).
А в трюмо, как в пахнущем гнилью трюме,
я второй сражается с жирной мышью.
Тело огуречиком, запятая
вместо носа (сразу видать – с приветом);
носится со шваброю, налетая
на предметы мебели цвета Леты.

Лорка

Федерико приходит утром, в прозрачном сне.
Говорит, послушай новые романсеро.
Держит его под руку мокрый снег,
а в глазах дожди; в правом – зелёно-серый,
в левом – чёрный в красную крапинку. Я молчу,
обращаюсь в слух, вижу цыганский табор,
молодых коней в половодье весенних чувств,
мотыльков, садящихся на гитару.
Федерико читает медленно, про себя.
Трётся кошкой Гвадалквивир о штанину его пустую.
Куклой из холодного серебра
снег сидит на стуле.
А над синей линзой речной воды,
над непросыхающими песками
полыхают яблонями сады,
корневые щупальца выпуская.

Суккуб

День закончился, не успев начаться.
Ты как раз сходил на базар за счастьем,
попросил сто грамм, положил в пакет.
А пакет с дырой, ты и не заметил,
как принёс домой злой осенний ветер,
пожелтевший лист да вчерашний свет.

А жена твоя всё бранилась: «Дима,
лучше б я сама на базар ходила.
Не мужик, а чёртово решето!» -
и так далее. Даже если в чём-то
и права, она у тебя в печёнках.
Ты сказал: «Проваливай, а не то...»

И пошёл в кровать. И тебе приснилось,
что она воистину провалилась
сквозь вчерашний свет да на Страшный суд;
и стучит в окно ветер злой осенний,
а твоё лицо – жёлтый лист, в росе он
или это слёзы – уже не суть.

* * *

Ой, да выдул стеклодув в небо песенку,
Ой, да выдали, дружок, с потрохами нас.
Приставляли маляры к небу лесенку,
только небо и без них раздумянилось.

Ой, да плыл я по реке без названия
на плоту, полынь во рту, сердце мечется
в тесной клетке, а когда сердце замерло,
солнце на воду легло, искалечено.

Вот и города огни – ну, не города;
так, посёлок, но большой – стеклодув, видать,
постарался. А река дышит холодом.
А на пристани стоит молодуха, глядь,

и прозрачную рукой машет: «Что же ты?
Неужели не узнал, столько бед вдвоём
пережито, столько дней вместе прожито.
Ты плыви ко мне, плыви, непоседа мой».

Я плыву, старуху вижу щербатую,
разворачиваю плот, да какое там:

«Я жена твоя! – кричит. – И судьба твоя».

«Ну, спасибо, – говорю, – успокоила».

Ах, ты речь моя, река, сталь кручёная,
заводила далеко, куда вывела?

Расплескали маляры краску чёрную.

Белоглазая карга сердце выела.

Суккуб

Не калина у ручья, а ракита;

не цветёт, а на ветру облетает.

Ляжет парень на траву, как убитый,

то ли любит, то ли нет, сам не знает,

только хочет он тебя, девку злую,

как увидит, пожирает глазами...

В небе птицы треугольник рисуют,

протыкают облака, исчезая.

Ведьма бросила в ручей коромысло.

Выпил Ваня из ручья, стал козлёнком.

В этой песне вообще нету смысла,

а и был бы в песне смысл, что в нём толку?

Бьёт копытцем дурачок о копытце,

ищет старшую сестру по болотам.

Сон к лицу певцу, опять ему снится

что-то огненное, жуткое что-то.

Вот лежит, а голова вся седая,

под свинцовой прохудившейся кровлей...
Снова ты его во сне оседлала,
расцарапала когтями до крови.

Миры

Дождь собирался с мыслями. Шёл снег.
Лоснилось солнце в огненном пенсне.
С ветки на ветку зайчик прыгал пылкий.
Летели в окна звёздные дробинки.
А из фонтанной чаши фейерверк
бил в небеса, по спектру разлагался.
Матрёшка спать укладывала Ганса.
Внутри матрёшки гансова родня
простукивала стены на немецком.
Всё это было в Лейпциге, ведь Лейпциг,
как выяснилось, город-западня.

Представь, дружок, глаза едва протрёшь, а
по комнатам то катится матрёшка,
то носится пронырливый сквозняк.
Внизу – предновогодняя возня,
фальшивый снег, упитанные кошки...
Случайный псевдогофмановский мир
(скорее невозможный, чем случайный),
не зря его в учебный план включают

апологеты школы Чёрных Дыр.

* * *

Абсурден мир за выбитыми окнами,
но мыслящие есть в нём существа;
им нравится ходить вокруг да около,
мне кажется, что это неспроста.

Такие, знаешь, существа некрупные,
прозрачные такие, днём с огнём.
Социофобы, а ложатся группами
в ночное время, никогда – вдвоём.

Стратегия сновидцев? Полигамия?
Прямых вопросов тут не задают.
В задумчивости трусь о шкаф рогами я,
вожусь с костюмом несколько минут.

Иду во двор, отпугиваю гарпию,
вцепившуюся в череп толмача;
смотрю на небо – там тарелки яркие
запутались в верёвочных лучах.

Конечно, был и некий третий мир
(попутно становившийся четвёртым).
И в этом мире я тебя кормил
добытым на охоте мастодонтом.
Прекрасный зверь, кому он тут мешал?
Но на грибах ведь долго не протянешь.
Мы поклонялись копьям и ножам
и бурую каёмку под ногтями
носили не без гордости, увы,
покрыты шерстью, вспыльчивы и дики.
Да что мы знали, молодые львы,
заляпанные кровью троглодиты?
Ты стала смирной, я тебя сломал –
шрам под лопаткой и рубец над бровью.
Но по ночам являлся мне шаман,
читал стихи: «Всё движется любовью».
Ещё там было о большой воде,
о воинах, плывущих по воде той.
Я спрашивал шамана: «Это где?» –
и просыпался, не поняв ответа.

Версии

Ян садится на мотоцикл, медленно жмёт на газ.
И когда у него во лбу загорается третий глаз,
всем становится ясно: Ян – настоящий тормоз.
А потом его мотоцикл набирает скорость
и взрывается в перспективе, что твой фугас.

Полный бак бензина, чёрная кожа, шлем.
Остаётся только сизый шипучий шлейф,
только встречный ветер и перекаты рёва.
По зелёным щупальцам, сжавшим руль,
пробегают искры. Колёса рвут
молодую ночь, контур её неровный.

Тормоз или нет, а вернётся домой с медалью...
Инь включает свет, расшнуровывает сандалии.
Низкий вырез платья, три голубых груди.
Инь сама не знает, как она хороша.
Вот она сияет комнаты посреди
и, взбивая воздух, крылья её шуршат.

Я лежу в курильне, чувствуя лёгкий крен
в голове, срастающейся с подушкой.
И приходят души с книгами перемен.

И галдят все разом. Я затыкаю уши...

Ян кладёт на тумбу мотоциклетный шлем.
Инь снимает платье, долго стоит под душем.

* * *

В первой версии Сэм – молодой перспективный хирург.
У него восемь рук, на спине – два янтарных нароста;
тип двуличности – Зет, место жительства – Новый Бейрут.
И не скажешь, что Сэму в Бейруте приходится просто,
но буддизм ему близок, зарплата его высока,
у любимой жены прошлым летом прорезались крылья...
Сэм лежит на диване и смотрит в дыру потолка,
там хохлатые гуси летят перевёрнутым клином.
Вечереет (в том смысле, что не за горами рассвет).
Стоит крепко зажмуриться – и по осеннему Бронксу
поползёт скользкий малый, подпольная кличка «Стилет»,
Сэм из версии два, поставщик контрабандных вольвоксов.
сов.

Он ползёт и ползёт мимо радужных пятен витрин,
заметая следы изумрудным хвостиком шипастым,
а внутри у него нерабочая версия три:
приоткрытая дверь, а за ней – коридор инфракрасный.

Он бросается в толщу времени, чертыхаясь на финикийском

и ещё шести языках, из которых четыре – мёртвых; выбегает с той стороны и попадает в списки киборгов, ожидающих капремонта.

Может, лучше (пока не поздно) угнать ракету и направить её к скоплению Глаз Пирата; просочиться сквозь червоточину, если это позволяют характеристики аппарата?

Притворившись купцом с Пляяд, уничтожив всех, кто заподозрил в нём самозванца и метаморфа, он смывает кровь и, пройдя в капитанский сектор, задаёт маршрут, фиолетовый лоб наморщив.

Голубые щупальца нашаривают в кармане зажигалку... Да, мрачноватое вышло шоу.

На экранах – икра созвездий, полёт нормальный или аномальный, какая разница по большому?

И под ретроджаз – кажется, это Заппа (вместо бас-гитары соло виолончели), звездолёт, вильнув, резко уходит в завтра, исчезая со всех радаров без исключения.

Гости

Помнишь?

Подошла и спросила: «Ты помнишь?»

Я плечами пожал: «Извините?»

Загорелся и тронулся поезд:

Альфа Лебедя – Мехико-Сити.

Крики гарпий туман распороли.

Липа голая зазеленела.

И остались одни на перроне

или даже одни на Земле мы.

Только женщина странная эта.

Только я – озадаченный, спящий,

то и дело шуршащий пакетом,

где грустит фантастический ящер.

Всей длины-то в нём три сантиметра

да и веса от силы три грамма,

а в наушниках – музыка ретро:

«Фрэнк Синатра для миниварана».

Крики гарпий, пылающий поезд.

В небе диск неизвестной планеты...

Сброшу кожу, спрошу тебя: «Помнишь?» –

закричишь и прижмёшься к стене ты.

Путешественник

Тихий вечер в окрестностях Сард,
на планете Земля сто четыре.

Ярко светятся окна мансард.
Орошающий клумбу ретривер
на хозяйку глазища скосил.

Облака в озерце распластались.

А в саду опустился без сил
на скамейку один иностранец –
путешественник издалека,

сто девятой Земли уроженец,
«занесло же тебя, дурака»
говорящий, а впрочем, уже нет.

Сердце в красную дверцу стучит –
путешественник не отвечает.

Сигарету зажѐг и молчит,
то насупится, то заскучает.

Вспоминает драконий десант,
дикий хохот бизоньего волка...

Тихий вечер в окрестностях Сард
погружается в сон, разве только
ходит ветер по проволоке
над кинжальной синей осокой,
да в широкой небесной реке
нерестятся двуглавые сойки.

Линда

А когда Пространство в рулон свернулось,

Время перепуталось совершенно.

Старый Джеймс сквозь зрелость пронёсся в юность;

Линда снова села ему на шею.

Чуден Сан-Франциско шестидесятых.

Джеймс летит в машине с открытым верхом.

Только что прикончил большой косяк он

и теперь заходится глупым смехом.

Солнце озаряет ворота Лимба –

то-то на макушке глаза слезятся.

В бардачке термиты, на шее – Линда,

хищный гуманоид размером с зайца.

Багдад

Джинн

Абдула сказал, если расставить миски

с дождевой водой на ночь по всей квартире,

джинн шагнёт из тьмы, наступит в одну и скиснет,

станет умолять, чтоб мы его отпустили.

Абдула сказал, после такого ливня

дождевой воды и на армию джиннов хватит.

Джинн пришёл, лампу включил, спалил мне

дорогой сервант и тумбочку у кровати;
обольстил жену, чтоб ему (хорошо хоть
у меня их три, наложниц считать не будем).
Абдула сказал, «джинн» означает похоть
к человеческим самкам и ненависть к прочим людям.
Абдула сказал: видимо, сбой в программе.
Этот экземпляр вышел из-под контроля.
Ничего, Саид, помощь не за горами.
Если что, беги, я как могу, прикрою.
А у самого огненный вихрь из пасти,
подобрался весь, лик ядовито-зелен...

Я во двор, а там евнух кричит: «Попался! –
водяным ружьём тычет мне в грудь. – На землю!»

* * *

Он проходит анфиладой комнат.
В первой джинна олениной кормит
коренастый карлик-скоморох.
Во второй толстухи одалиски
предаются радостям лесбийским,
каждая, что плавленый сырок.

В третьей суфий кружится часами.
А в четвёртой делают кассамы -

по неверным в праздники палить.
Он идёт и сам уже не помнит,
сколько за спиной осталось комнат,
подвигов, соитий и молитв.

Евнух непочтительный и праздный
говорит: «Султан давно в маразме».
Полирует бритву брадобрей.
Демон усмехается облезлый.
А из разверзающейся бездны
лезут семь подземных королей.

Багдад

В Багдаде шумновато, но не так чтоб.
Корабль пустыни с курдом вместо мачты
по улице дымящейся плывёт.
Плетётся смертник ласковою псиной
за бочковидной гурией в лосинах.
Заходит на посадку самолёт,
в ковёр персидский превращаясь. В общем,
напрасно то клевещем мы, то ропщем.
В Багдаде... Это кто сказал: война?
Ну, бегают с оружием мужчины,
так у мужчин имеется причина –
они в пейнтбол играют, старина.
В Багдаде лето. В моду входит красный.

Залёг на крыше загорелый Карлсон,
любуется в оптический прицел
красотами, рукой багдадцам машет.
Багдадцы улыбаются и пляшут.
А в полуразвалившемся дворце
пришелец затаился шестилапый.
Там давеча прожёл паяльной лампой
во времени-пространстве Аладдин
дыру настолько чёрную, что опа,
Багдад тю-тю, за окнами – Европа;
надень противогаз и выходи.

Изумрудный город

Изумрудный город-2

Забор, развёрнутый гармошкой.
Соседский дворик. Морда кошки
в мясистых триффидях кустов...
Похмельный эллин из Канзаса,
скажи, как ты здесь оказался,
как из разрозненных кусков

слепил правдивую легенду,
сменил профессию и гендер
и превратился в жевуна?
Тотошка умер от гангрены,

но заливается Гингема,
твоя гражданская жена

дни напролёт сварливым лаем.
А ведь была прекрасней лани –
как ты по этой суке сох!
И вот сидишь – брюшко, бородка;
она швыряет сковородку,
ты прячешь голову в песок.

Потом уносишься в машине
с зашедшим корешем Страшилой.
Потом, ввалившись в бар «Сезам»,
вы пьёте огненную воду
и превращаетесь по ходу
в двух некрылатых обезьян.

Хозяйка бара Марта Гудвин
слетала в Город Изумрудный,
преобразилась прямо, вон
как загорела... Тянет гарью.
И дровосек Железный Гарри
глядит на Марту светским львом.

* * *

Орки идут в атаку стальной цепью.
Гоблины наступают железным клином.
Карлик украл кораллы у Клары Цеткин,
спасся от коминтерновцев у кикимор;
весь посинел, распух, наглотался дряни
да заложил кораллы в ломбард Кощея.
Выпили хоббиты, Гэндальфу в морду дали,
а протрезвев, побежали просить прощенья.
Ладно, неси нам, Бильбо, пирог с корицей.
Сам не пойму, что это я волнуюсь...
Заночевал Иванушка у сестрицы,
утром проснулся – рядом лежит Анубис.
Прячет глаза, мнётся, башка шакаля,
тянет слона за хвост, а кота за хобот.
Шёл, говорит, из Мордора в Зазеркалье
да и попал в ваш Изумрудный город.

* * *

Джинны спалили всех дуболомов Урфина.
Выволокли из дворца ящики с изумрудами.
Жёлтый туман рассеялся. Брезжит утро и

некому вызволять самозванца Гудвина.
Переделся в старой служанки платье он
и был таков. Джинны созвали жителей.
Всё, говорят, кончилась автократия.
Славьте же, идиоты, освободителей.
Перелицуем смрадные ваши капища
в небо пронзающие мечети мы.
А в Преисподней Шайтан потирает лапищи;
всем, кто в него поверит, сулит бессмертие.

Что же ты плачешь? Топай в кроватку, девочка,
маленькая марранка, еврейка, дурочка.
Элли в своём Канзасе получит весточку,
вызовет бурю и прилетит на выручку.

Метаморфозы

Один, в пустой квартире, включишь телик,
сидишь и тупо смотришь всё подряд:
как лопаются пузыри истерик,
как хлопаются в обморок, горят
на производстве, произносят речи,
танцуют на коньках и без коньков.
А ты сидишь и коротаешь вечер,
покуда самолёты мотыльков
под солнцем лампы мечутся. Им страшно

и весело, а может, всё равно.
Тому, большому, явно сносит башню
сухое светоносное вино.

А эти двое экономят силы,
но вот столкнулись, вспыхнули, сплелись...

Да ты и сам, больной и некрасивый,
поднялся вверх и в воздухе повис.

Висишь и ничего не понимаешь,
одновременно мёртвый и живой;
когда летишь, на правое хромаешь -
оно помято и обожжено.

Что там за тип у телика уселся,
опутал стул системой корневой?
В мучнистом теле крохотное сердце
стучит-не достучится до него.

* * *

Сначала лошадь яблоней была,
зимою мёрзла, а весной цвела -
вся в белом, настоящая невеста,
но как-то летом вышла из контекста
и в лошадиный город забрела.

Нашла по объявлению квартиру.
Сошлась потом с орловским рысаком -

самовлюблённым муторным кретином,
к соседке сверху бегавшим тайком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.